

Для цитирования: Гордеев С. С., Зырянов С. Г., Подопригора А. В. «Эффект колеи» в развитии социально-экономического пространства региона. Часть 1: «Эффект колеи» и локальный кризис в Челябинской области // Социум и власть. 2019. № 5 (79). С. 84—97. DOI: 10.22394/1996-0522-2019-5-84-97

DOI: 10.22394/1996-0522-2019-5-84-97

УДК 332.12

«ЭФФЕКТ КОЛЕИ» В РАЗВИТИИ СОЦИАЛЬНО- ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА РЕГИОНА. ЧАСТЬ 1: «ЭФФЕКТ КОЛЕИ» И ЛОКАЛЬНЫЙ КРИЗИС В ЧЕЛЯБИНСКОЙ ОБЛАСТИ¹

Гордеев Сергей Сергеевич,

Российская академия народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте Российской Федерации,
Челябинский филиал
заведующий лабораторией моделей
пространственного развития,
кандидат экономических наук.
Российская Федерация, 454077,
г. Челябинск, ул. Комарова, 26.
E-mail: sgordeev222@gmail.com

Зырянов Сергей Григорьевич,

Российская академия народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте Российской Федерации,
Челябинский филиал
профессор кафедры политологии,
истории и философии,
доктор политических наук, профессор.
Российская Федерация, 454077,
г. Челябинск, ул. Комарова, 26.
E-mail: director@chel.ranepa.ru

Подопригора Александр Васильевич,

Научно-образовательный центр
Института экономики Уральского отделения
Российской академии наук
и Челябинского государственного университета,
старший научный сотрудник,
кандидат политических наук.
Российская Федерация, 454021,
Челябинск, ул. Молодогвардейцев, д. 70б.
E-mail: agora821@gmail.com

Аннотация

В статье рассматривается присущая многим
регионам России в кризисных условиях

¹ Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ № 19-010-00964 «Моделирование и визуализация сценариев пространственного развития трансграничного макрорегиона на примере Урала и Северного Казахстана».

неоднородность, а в ряде случаев и разнонаправленность основных тенденций их социально-экономического развития. В значительной мере это обусловлено проявлением так называемого «эффекта колеи» или институциональной инерции, препятствующей необходимым и актуальным изменениям из-за доминирования при вхождении региона в кризисную ситуацию прежней траектории и парадигмы его развития. «Эффект колеи», по своей сути, обусловлен проявлением многолетних, исторически сложившихся специфических для различных регионов институциональных, экономических и социокультурных условий. В силу этого обстоятельства разные регионы оказываются более или менее чувствительными к негативным воздействиям внешних факторов кризисного характера. В ряде случаев проявление этого эффекта дает позитивный результат, но гораздо чаще это обуславливает негативный результат развития.

С точки анализа проявления «эффекта колеи» Челябинская область представляется своеобразным типичным «контрастным индикатором». Присущие Челябинской области проблемы и особенности кризисного развития в последние годы в той или иной степени характерны для многих российских индустриально развитых старопромышленных территорий.

На основе визуализации динамики базовых социально-экономических показателей Челябинской области делается вывод о том, что наблюдаемый резкий и продолжительный спад, а также нарастание разбалансированности происходящих изменений на протяжении последних 10—15 лет указывает на возникновение в регионе специфического локального кризиса, охватывающего лишь часть элементов его социально-экономической системы. При этом возникает ситуация, когда негативные изменения некоторых показателей экономики региона уже не могут быть компенсированы положительными трендами общенационального развития. Высокая волатильность показателей, характеризующих развитие региона в условиях проявления «эффекта колеи», является важным фактором формирования целого ряда рисков, которые необходимо учитывать в процессе поиска путей выхода из кризисной ситуации.

Сложившиеся в Челябинской области в прежнее время и сохраняющиеся сегодня тенденции, связанные с проявлением «эффекта колеи», могут инициировать нарастание социальных проблем уже в ближайшей перспективе (ограниченность роста доходов населения и розничного товарооборота) и повышение рисков устойчивого развития реального сектора экономики (падение индексов производства и объема инвестиций) в стратегическом аспекте.

Ключевые понятия:

регион,
социально-экономическое развитие,
динамика,
риски,
локальный кризис,
визуализация социально-экономических процессов.

В настоящее время становится очевидной необходимость переосмысления ряда базовых предпосылок концептуального понимания регионального развития, а также обновления представлений о моделях роста и соотношениях между составляющими и драйверами социально-экономического развития региона. Начальной точкой многих проблемных экономических явлений последнего времени в России стал мировой финансовый кризис 2008—2009 гг. Вслед за ним последовал не столь ярко выраженный структурный кризис, отразивший как глобальные, так и региональные (страновые) вызовы и риски [8; 9]. Наблюдаемые макроэкономические процессы и изменения глобального масштаба и следующая за ними смена ряда ключевых условий социально-экономического развития определяют формирование множества долгосрочных последствий [12], о которых в целом говорят как о поиске «новой нормальности». Мировые и национальные тенденции в той или иной степени проявляются во всех регионах, накладываясь на специфические местные условия, и в совокупности с ними определяют масштаб, а также *сложный и противоречивый характер региональных социально-экономических изменений* [2].

В российском социально-экономическом развитии текущего периода во многом доминируют исторически сложившиеся институциональные и социокультурные условия. Подобный сценарий развития, представленный в экономической теории как Path Dependence — «зависимость от предшествующего развития» [15; 17], в последнее время был обозначен для РФ как «эффект колеи», причем с далеко не лучшими последствиями для перспектив развития [1]. В регионах действие «эффекта колеи», как правило, имеет свою специфику и отражается на динамике и темпах развития каждого из них. В таких случаях можно говорить об эффекте «региональной» или «местной колеи». Важно, что возможности ухода экономики региона от траектории предшествующего развития [10] в условиях кризисных процессов и нестабильности могут существенно меняться.

История и причины формирования «эффекта колеи» в Челябинской области имеют временные и содержательные аспекты. Накопившиеся за прошедшие десятилетия институциональные проблемы социально-экономического функционирования региона, связанные с политикой, проводившейся региональной властью, имели выраженное субъективное начало. Здесь можно выделить два временных этапа.

Первый охватывает период с начала двухтысячных годов, до начала мирового финансово-экономического кризиса 2008—2009 гг. и характеризуется консервативной в подавляющем числе аспектов экономической политикой губернатора области П. Сумина. В условиях высокого национального экономического роста, область, хотя и с некоторым отставанием от регионов — «лидеров», улучшала свои текущие показатели. Они касались как увеличения промышленного производства за счет использования имевшегося промышленного потенциала, так и роста доходов населения. Без особых усилий обеспечивался процесс инерционного развития, а фактор «лёгких денег» при профиците бюджета создавал иллюзию отсутствия проблем. Подобная ситуация затормозила структурные и институциональные реформы и позволила «косметически» заретушировать ряд назревающих экономических дисбалансов (следует отметить серьезнейший локальный кризис регионального машиностроения в 2002 г., приведший к закрытию множества предприятий). С тех пор проблемы диверсификации структуры экономики только декларировались. Изоляционизм привел к свертыванию внешнего инвестирования, начиная с отказа от строительства транспортного хаба и Челябинского аэропорта международного уровня. Развитие «по старинке» предопределило основы «региональной колеи» Челябинской области. Фактический «провал» региона в кризис 2008—2009 гг. с рекордным по России спадом основных показателей во многом подвел итоги этого периода.

Второй этап хронологически охватывает 2010—2018 гг. и связан с реализацией деформированной региональной социально-экономической политики, проводившейся в интересах ограниченного числа околовластных бизнес-групп. Подобная политика, активно проводившаяся правительством губернатора М. Юревича, с некоторыми изменениями была продолжена губернатором Б. Дубровским. Ее характерными чертами стало формирование непрозрачных условий ведения бизнеса в интересах отдельных административно-финансовых и экономических групп, фактическая монополизация ключевых, жизненно важных для населения сфер (дорожное строительство и ремонт, обращение с ТКО, жилищное и инфраструктурное строительство, благоустройство и др.). Все это, дополняемое «косметическими» имиджевыми мероприятиями вместо реальных преобразований, не могло не привести к «бегству» инвесторов и капиталов,

снижению качества жизни населения и росту протестных настроений в регионе.

Говоря иначе, конъюнктурный рост доходов (и даже сверхдоходов) отдельных региональных бизнес-групп способствовал в последние годы не развитию реальной экономики и повышению доходов населения, а ухудшению бизнес-климата и выводу капиталов с территории области. А прирост доходов регионального бюджета привел во многом к их перераспределению в интересах аффилированного с властными структурами бизнеса и далее также к бегству денег из региона. Масштабы накопленных многолетних проблем, сформировавшихся существенных диспропорций и институционального отставания во многом определяют параметры сложившейся «региональной колеи» Челябинской области.

Существенная местная специфика региональной социально-экономической динамики при наблюдаемых в последние годы многолетних проблемных трендах формируют для региона сложные и до поры скрытые *риски социально экономической несбалансированности*. Все они находят отражение в динамике регионального социально-экономического развития и требуют детального изучения. Сложное переплетение проблем экономического роста и спада, финансовой стабильности и нестабильности, а также устойчивости региональной системы в целом, неизбежно затрагивает вопросы методологии анализа и использования специально адаптированного инструментария оценки региональных социально-экономических процессов.

Используемые сегодня подходы, применяемые при анализе сбалансированности функционирования сложных региональных социально-экономических систем, достаточно разнообразны [6; 7]. Они традиционно связаны с оценкой соотношений и динамики различных статистических показателей. В отдельных случаях (для получения выборочных более детальных оценок) используются более сложные модели с сопоставлением взаимосвязанных показателей в различных сочетаниях [14].

В рамках анализа сложных региональных социально-экономических процессов особую важность приобретает проблемы корректности и достоверности оценок. Систематические ошибки, связанные с деформацией отражения реальной ситуации в отдельных показателях статистической отчетности, обуславливают появление серьезной управленческой проблемы, продуцируемой так называемым эффектом «лукавых

цифр». Первые наиболее известные результаты исследований, связанные с появлением феномена «лукавых цифр», вышедшие на уровень национального обсуждения, относятся еще к периоду плановой экономики СССР [11].

Исследования последних лет, выявившие неоднозначность применяемых в большинстве случаев статистических оценок [13], ставят вопрос о более глубоком изучении характера и параметров региональных социально-экономических процессов [3; 4; 16]. В условиях социально-экономической нестабильности использование традиционных подходов, связанных с выборочным рассмотрением показателей и формированием некоторых обобщающих агрегированных оценок (индексов и др.) становится малопродуктивным. Погрешности «растворения» ключевых изменений в большом числе малозначимых показателей неизбежно деформируют итоговую картину происходящих перемен, не позволяя, к тому же, оценить появление качественно новых изменений.

Проблема точности оценок и снижения эффекта «деформации» результатов анализа достаточно многогранна. Наиболее достоверные результаты с минимизацией влияния «лукавых цифр» связаны с использованием достаточно простых показателей, максимально близких первичным данным. Здесь предпочтение имеют показатели, использующие обобщенные данные бухгалтерского учета. При анализе тенденций ключевым требованием становится приведение показателей к сопоставимому виду (при прочих равных условиях). Здесь важным фактором становится корректный выбор базы для оценки и применение ряда других, ставших классическими, положений статистического анализа. Дополнительные возможности повышения корректности оценок и качества анализа связаны с применением компьютерных технологий, цифровизацией анализа и экономических исследований.

В условиях социально-экономической нестабильности региона важным элементом анализа становится *использование инструментария визуализации социально-экономических процессов* [5]. Методические подходы к применению анализа с интеграцией баз данных и информационных технологий обеспечивают наглядность и прозрачность процедур оценки, максимальную детализацию ключевых моментов смены трендов, выявление противоречий роста взаимосвязанных показателей. Это, в конечном итоге позволяет получить наиболее *корректную*

характеристику всей совокупности социально-экономических процессов на основе максимально достоверной статистической информации. В условиях турбулентности социально-экономических процессов средства компьютерной графики в сочетании с цифровыми оценками обеспечивают наилучшие возможности анализа среднесрочной и долгосрочной траектории социально-экономического развития региона.

В настоящий момент, после обновления основных общенациональных социально-экономических трендов, на первый план выходит изучение вызванных ими тенденций развития на региональном уровне, а также возможных рисков, связанных с возникновением региональных локальных кризисов. Эти вопросы, а также тема сбалансированности социально-экономического развития региональной динамики рассмотрены нами на примере индустриально развитых территорий Урала, прежде всего Челябинской области, так как по многим признакам этот регион выглядит медианным «контрастным индикатором» [4; 16]. Анализируемые в статье проблемы, возникающие в ситуации локального кризиса, в той или иной степени присутствуют в большинстве подобных старопромышленных индустриальных территорий.

Однако именно для Челябинской области в последние годы характерно нарастание серьезных социально-экономических дисбалансов, что свидетельствует не только о возникновении локального социально-экономического кризиса, но и о его усилении. Начиная с 2014 г. наблюдался негативный разворот ряда ключевых экономических трендов — по сути, их обвал.

Эта тенденция имеет как непосредственные, так отложенные негативные социально-экономические последствия для бизнеса и населения области. Они отражаются в низкой динамике развития производства, устойчивом падении инвестиций и свертывании объема торговли. Далее следуют: снижение благосостояния населения и рост негативных оценок жителями региона собственного положения, а также деятельности муниципальных, региональных и федеральных органов власти.

Следует особо отметить, что рост дефицита ресурсов, отмечаемый в последние годы у крупнейших предприятий и организаций Челябинской области (включая сверхдоходы связанные с выгодной внешнеэкономической конъюнктурой и изменением валютных курсов), а также соответствующий рост поступлений в бюджет региона,

не привел ни к экономическому росту, ни к увеличению реальных доходов населения. Напротив, доходы жителей области и объемы инвестирования продолжали падать.

Все это нашло отражение в политическом кризисе (досрочные отставки подряд двух губернаторов — М. Юревича и Б. Дубровского и серьезном падении уровня доверия населения к власти), который проявился в очередной, уже третьей за 9 лет, смене руководителя исполнительной власти области в 2019 г.

Причины нынешнего социально-экономического кризиса в Челябинской области, заключаются, на наш взгляд, прежде всего, в накоплении многолетних противоречий и неэффективной социально-экономической политике правительства региона, которое во многом игнорировало федеральные тренды и инициативы, зато декларировало в не адекватных реальным проблемам и потребностям региона «бумажные стратегии» «2020» и «2035» надуманные цели реализации крайне затратных (при весьма сомнительной востребованности и эффективности) «мегапроектов» (ТЛК «Южноуральский», ВСМ Челябинск — Екатеринбург, строительство «Конгресс-холла» и других избыточных объектов для саммита ШОС и т. д.).

Результаты анализа ключевых проблем региональной динамики, отражаемые в данных Росстата (за период с 2004 по 2019 г.), ниже представлены в формате аналитико-графических материалов с соответствующими оценками и уточнениями. В этих аналитических материалах рассматриваются наиболее значимые проблемы регионального социально-экономического процесса, характеризующие развитие локальных кризисных явлений с соответствующими рисками, вызываемыми эффектом «региональной колеи».

Анализ процесса социально-экономического развития Челябинской области связан с исследованием ряда ключевых моментов наблюдаемой ситуации, которую необходимо рассматривать как локальный региональный кризис. Обоснованность подобной оценки обусловлена двумя рассмотренными далее аспектами наблюдаемых перемен, обуславливающими развитие кризисных рисков. Ключевыми характеристиками такой ситуации являются:

1. Неравномерная и негативная по направленности относительно общенациональных трендов региональная социально-экономическая динамика.
2. Появление точки резкой смены трендов с обвальным снижением уровня

ряда ключевых социально-экономических показателей.

Неравномерная и негативная региональная социально-экономическая динамика относительно общенациональных трендов

Замедление динамики показателей регионального социально-экономического развития проявляется, прежде всего, в устойчивом присутствии отрицательных трендов, имеющих разные параметры показателей, а также в усилении противоречивости (несбалансированности) изменений, как во временном, так и в структурно-отраслевом аспектах. Неоднородность социально-экономической динамики имеет существенную особенность — она продуцирует замедление общих темпов роста показателей социально-экономической системы. Здесь следует обратить внимание на следующие имплицитные признаки (см. англ. *implicit*, подразумеваемый, невыраженный, здесь — обычно остающиеся без должного осознания) наблюдаемого замедления социально-экономической динамики.

Первое — усиливающейся разрыв между динамикой промышленного производства и динамикой доходов населения.

Этот разрыв отражается в амбивалентном соотношении индексов промышленного производства и индексов доходов населения (рис. 1).

В Челябинской области наблюдается многолетняя неравномерная, но достаточно очевидная тенденция замедления показателей роста, как промышленного производства, так и доходов населения. Также, как видно из представленных в графике данных, отмечается опережающее падение индекса доходов населения с переходом тренда за последние пять лет в зону устойчивого спада. Динамика индексов промышленного производства (линейная аппроксимация) на этом временном отрезке находится в районе нулевой зоны.

Второе — усиление противоречий динамики и несбалансированности изменений, как во временном, так и структурно-отраслевом аспектах. Этот тренд отражает масштаб перемен и предпосылки для формирования и проявления более резких, контрастных социально-экономических последствий в Челябинской области относительно

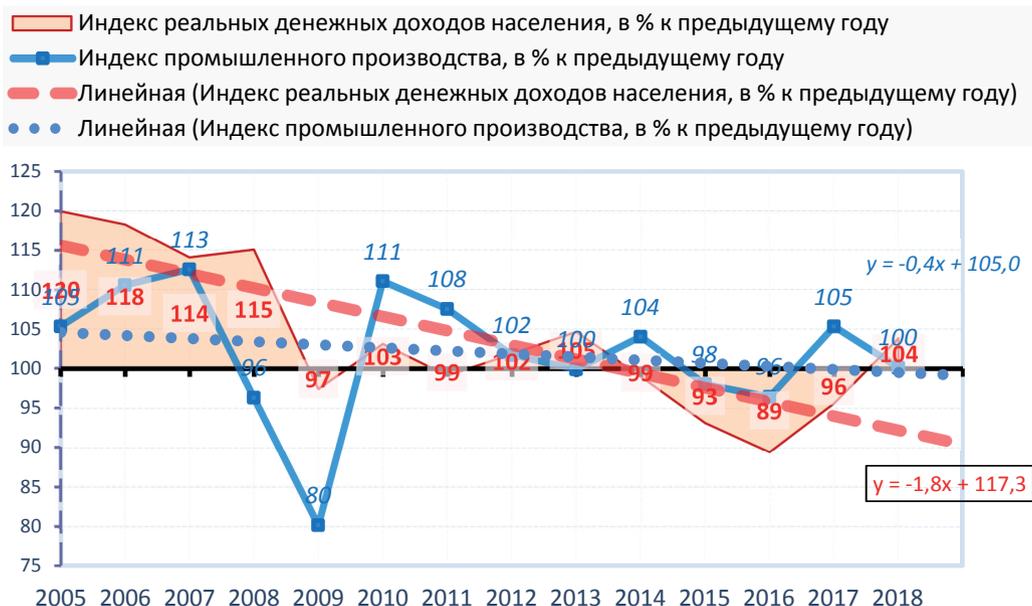

Рис. 1. Характеристика замедления показателей ежегодного роста: общий вид и основные тренды за 2005—2018 гг. (линейная аппроксимация) динамики развития Челябинской области с 2005 г.: индекс промышленного производства и индекс доходов населения в процентах к уровню предшествующего года

других территорий. Наблюдаются ярко выраженные зоны непропорционального роста или спада в динамике промышленного производства и доходов населения (рис. 2).

Параметры, зафиксированные на рис. 2, фиксируют четыре ключевых момента:

Во-первых, зоны высокого промышленного роста (с 2005 по 2007 г.), наращивания капитализации и денежного оборота, сопровождающегося опережающим ростом доходов населения;

Во-вторых, зоны кризисного спада в промышленности (2008—2009 гг.) при не сильно выраженном тренде снижения доходов населения;

В-третьих, появление зоны, в которой заметно появление тенденции, фиксирующей существование структурного социально-экономического кризиса (с 2014 по 2016 г.): спад промышленного роста до уровня 2011 г. с резким спадом уровня капитализации бизнеса и опережающим падением уровня доходов населения, скатившихся к уровню 2007 г.

Можно сказать, что динамика показателей последних лет подчеркивает отсутствие взаимосвязи между спадом доходов населения и динамикой промышленного производства (рис. 3).

В-четвёртых, зоны слабого восстановительного роста промышленного производ-

ства, сопровождающегося сначала продолжением спада индекса реальных денежных доходов населения, а затем их слабым ростом, не выводящим этот показатель за значение 2007 г.

При этом тренды индекса промышленного производства и индекса реальных денежных доходов разнонаправлены. Существенное падение доходов населения проявляется в отрицательном тренде (линейная аппроксимация) с переходом в зону спада в конце 2014 г.

Третье — существенное отставание темпов региональной промышленной динамики на фоне показателей РФ и других регионов. Различие в динамике промышленного роста заметно при сопоставлении индексов промышленного производства Свердловской и Челябинской областей на фоне средних показателей по РФ (рис. 4). За базовый год для сравнения взят 2011. Низкая, околонулевая промышленная динамика Челябинской области очевидна на фоне существенно более высокой в РФ. Еще более заметно отставание от региона-лидера, соседней Свердловской области. Как территория — «аутсайдер» Челябинская область выпадает из новой, пусть и ограниченной невысокими темпами национальной динамики промышленного производства, что отражает риски как сохранения, так

Рис. 2. Зоны непропорционального роста или спада в динамике развития Челябинской области с 2005 г.: по индексам промышленного производства и доходов населения (в процентах к уровню 2004 г.)

Рис. 3. Тренды динамики развития (линейная аппроксимация) Челябинской области с 2012 г.: околунолевые колебания индекса промышленного производства при существенном спаде индекса доходов населения с уходом в отрицательную зону; тренды промышленного производства и доходов населения (в процентах к уровню 2011 г.)

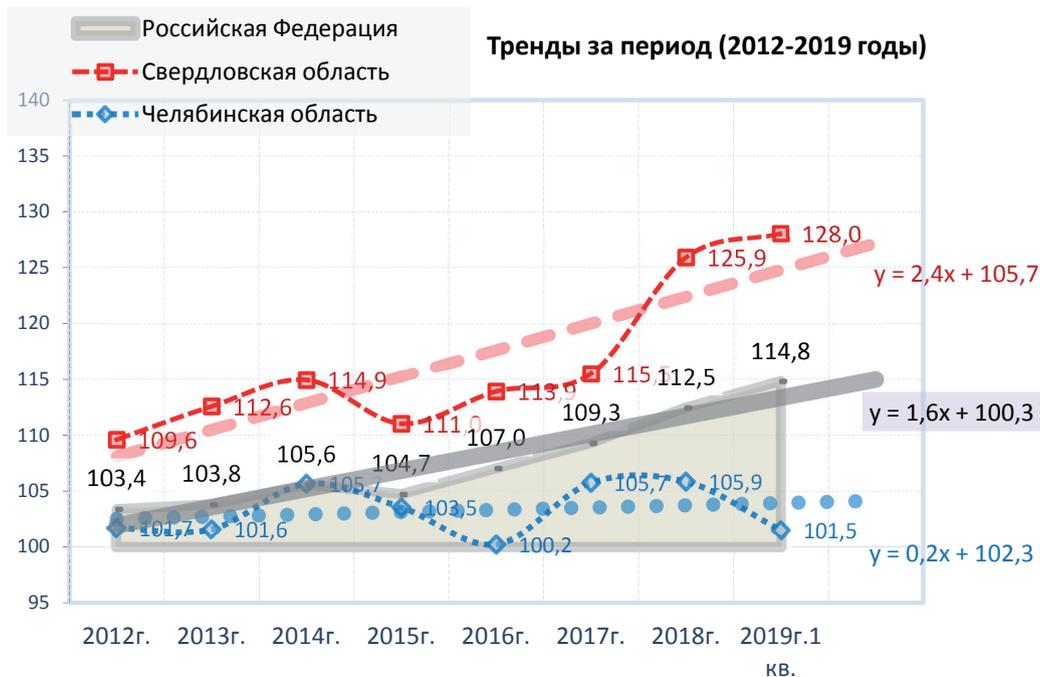

Рис. 4. Различия трендов индексов промышленного производства (линейная аппроксимация) за 2012—2019 гг.: по РФ и регионам (лидер роста — Свердловская область и аутсайдер роста — Челябинская область); индексы динамики доходов по РФ и регионам определены в процентах от уровня 2011 г.

и вероятного возврата и усиления кризисных процессов.

Тренды за 8 лет (2012—2019 гг.) фиксируют нарастающее отставание развития промышленности, во-первых, от соответствующего показателя по РФ (разрыв составил 25 %); во-вторых, от аналогичного показателя по Свердловской области (разрыв составил 13 %). Отставание Челябинской области в динамике промышленного производства все более заметно нарастает в последнее время (рис. 5). В 2016—2019 гг. околонулевые показатели промышленного роста (индекс промышленного производства менее 0,5 %) Челябинской области более чем на порядок уступали аналогичным в Свердловской области (индекс промышленного производства более 5 %).

Четвертое — существенный региональный спад реальных доходов и благосостояния населения отражается в падении индексов доходов населения Челябинской области (до 25 %) в 2014—2017 гг. (рис. 6). Резкий спад и понижение уровня реальных доходов населения в Челябинской области наблюдается относительно ситуации в других регионах РФ. При этом отмечается отсутствие сколько-нибудь существенного тренда восстановления (компенсации потерь) уровня реальных доходов населения (рис. 7). Тенденция слабого восстановительного роста индекса доходов населения

области, наметившиеся с 2017 г. (соответственно, с более низкой базы), близка к значению подобного же общероссийского тренда. Такие колебания в динамике размера реальных доходов не обеспечивают не только компенсацию потерь спада, но даже быстрого выхода на предшествующий падению уровень. В Челябинской области при сохранении тренда динамики восстановления последних лет (2,6 % за 2017—2019 гг.) восстановление от низшей точки (с 2017 г.) до прежде максимального уровня 2012 г. займет около 10 лет.

Появление точки резкой смены трендов с обвальным снижением уровня ряда ключевых социально-экономических показателей

Резкий и продолжительный спад («обвальное снижение») ряда ключевых социально-экономических показателей заметно увеличивает риски перерастания локального регионального кризиса в системный. Обострение ситуации и рост риска возврата локального кризиса с последующим переходом его в системный связаны с появлением точки смены трендов основных показателей в 2014 году (рис. 8). Подобная несбалансированная региональная

Рис. 5. Нарастание различия в динамике роста — тренды индексов промышленного производства (линейная аппроксимация) в период 2016—2019 гг.: индексы динамики доходов по РФ и регионам определены в процентах от уровня 2011 г.

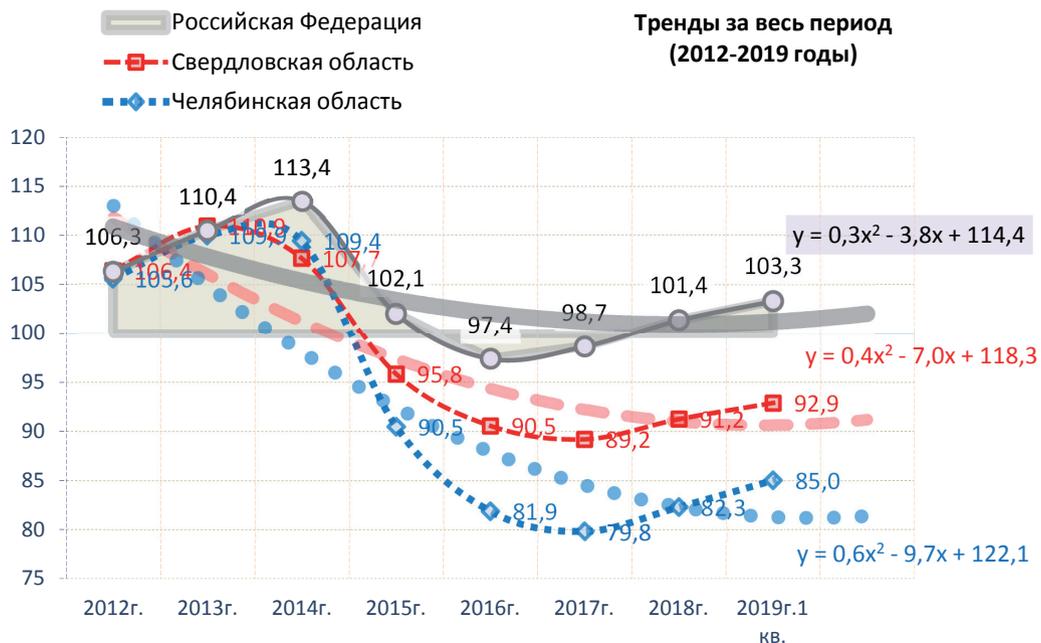

Рис. 6. Траектории спада для трендов (нелинейная аппроксимация) индексов динамики доходов за период 2012—2019 гг.: индексы динамики доходов по РФ и регионам определены в процентах от уровня 2011 г.

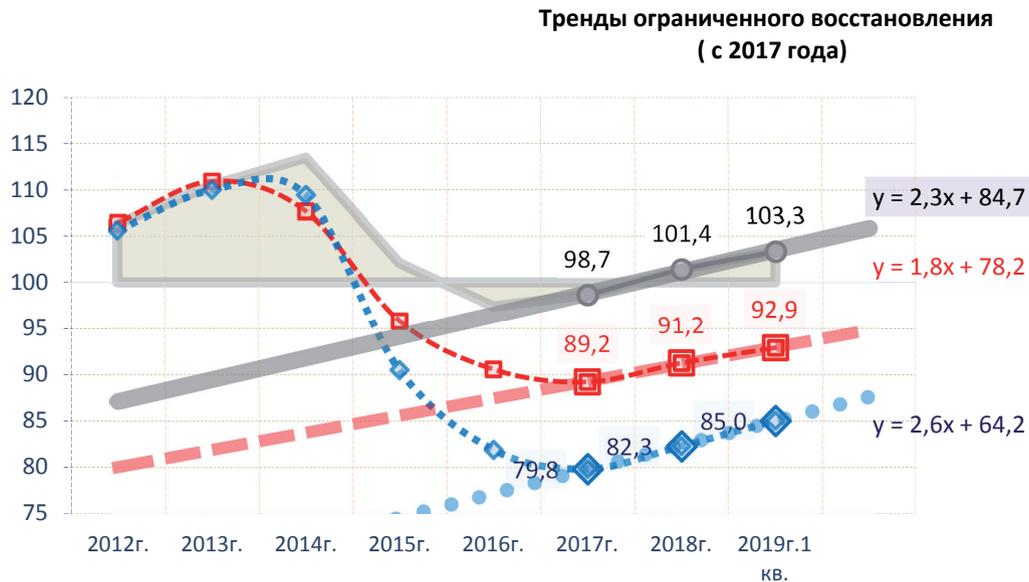

Рис. 7. Текущие тренды ограниченного восстановления индексов доходов населения с 2017 г. (линейная аппроксимация): индексы динамики доходов по РФ и регионам определены в процентах от уровня 2011 г.

Рис. 8. Особенности региональной локальной кризисной социально-экономической динамики и точки смены трендов — начало спада (2014 г.) и начало стабилизации (2017 г.): индексы показателей определены в процентах от уровня 2011 г.

динамика развития после трех лет спада, в 2017 г., в очередной точке смены трендов перешла в фазу локальной стагнации. Для нее характерно развитие с низким и порой около нулевым ростом на резко снизившейся базе. Наблюдаются устойчивые отрицательные тренды ежегодного падения основных показателей до 10 % в 2014—2017 гг. в зоне локального кризисного «провала» (рис. 9), что указывает на расширение и углубление локального социально-экономического кризиса в Челябинской области. Масштаб спада настолько значителен, что его негативные результаты не смогут компенсировать позитивные тренды общенациональной динамики.

Особенностью возникшего локального регионального кризиса является «провал» в динамике ряда базовых показателей, касающихся, прежде всего, наиболее весомых и системообразующих отраслей экономической структуры региона. Этот спад не может компенсироваться относительной стабильностью динамики роста ряда других, менее весомых отраслей, чей рост в большей степени определяется действием общенациональных и глобальных тенденций. Стабилизация спада в 2018 г. не обеспечивает

быстрого сбалансированного восстановления по всем параметрам динамики социально-экономического развития. Очевидно, что негативные последствия сложившейся социально-экономической разбалансированности процесса развития Челябинской области сохранятся на среднесрочную перспективу.

Нестабильность текущей динамики неравномерного низкого роста является фактором усугубления спада и локального кризиса. Детализация анализа по квартальным индексам промышленного производства (нарастающим итогом к уровню предшествующего года) во многом свидетельствует об относительной стабилизации текущей ситуации. Однако, при заметных колебаниях текущего роста (от года к году плюс — минус 5 %) общая динамика развития промышленности в Челябинской области в 2017 — начале 2019 гг. имеет негативный тренд (рис. 10). Подобная волатильность динамики показателей промышленного производства затрудняет выход из зоны локального кризисного «провала» и обуславливает воспроизводство как социальных проблем (ограниченность роста доходов населения и розничного товарооборота), так и нарастание рисков в развитии экономики (в том

**Тренды зоны локального «кризисного провала»
(2014-2017 годы)**

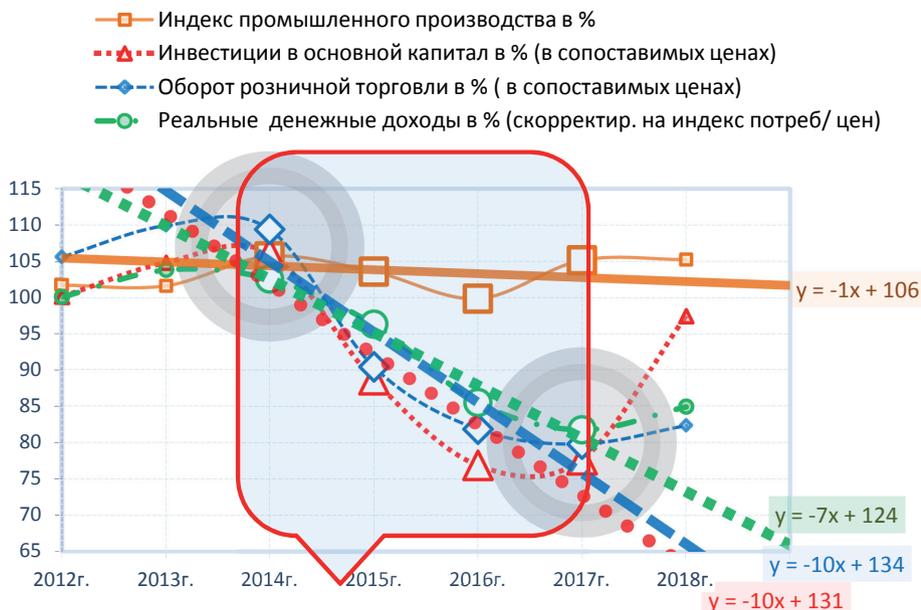

Рис. 9. Тренды спада основных показателей в зоне локального «кризисного провала» в 2014—2017 гг. (линейная аппроксимация): индексы показателей определены в процентах от уровня 2011 г.

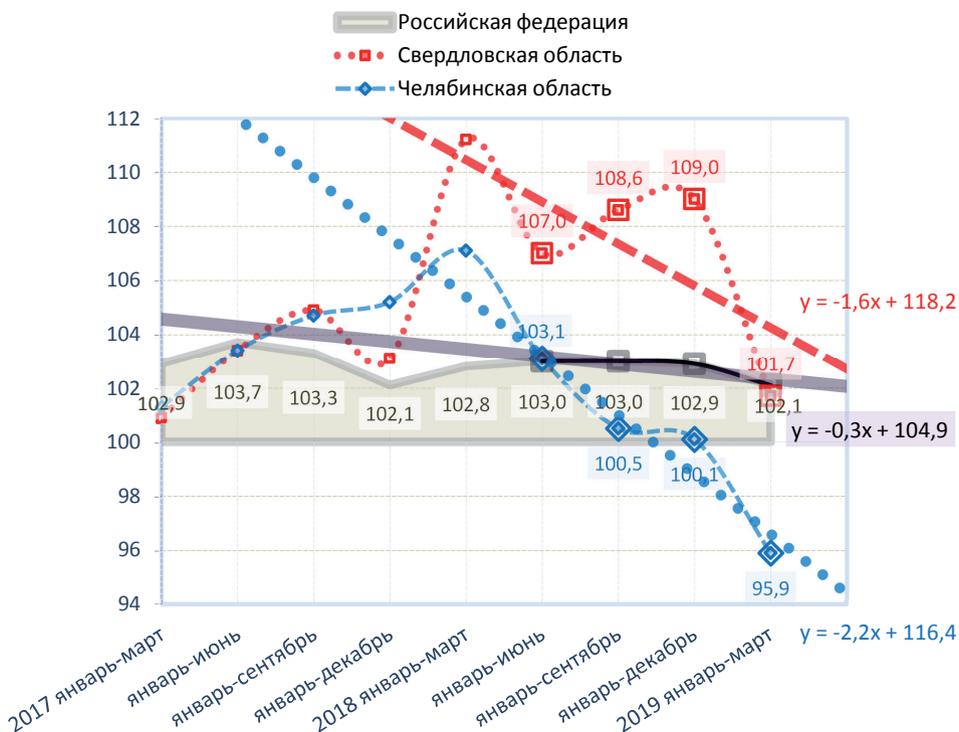

Рис. 10. Неравномерность региональной динамики и негативные тренды последнего года: по индексам промышленного производства регионов на фоне РФ (поквартильно процентах к уровню предшествующего года)

числе — вывоз капитала и сокращение объема инвестиций).

Это обстоятельство существенно снижает вероятность благоприятных перемен в социально-экономическом развитии региона.

Из приведенных в статье аналитических оценок следует, что наличие *локального кризиса в Челябинской области диагностируется по многим признакам*, которые характеризует нарастание разбалансированности основных социально-экономических процессов, нестабильную, преимущественно негативную траекторию движения, заостренность отраслевой структуры экономики. Здесь на внешние, непрогнозируемые экономические и технологические условия накладываются нарастающие проблемные местные факторы, задающие новые рамки проявления «эффекта колеи». Увы, ситуация в регионе далека от традиционно декларируемых его руководителями позитивных изменений.

Отмеченные особенности регионально-го развития связаны с устаревшей, не соответствующей актуальным требованиям региональной институциональной среды, а также недостаточной эффективностью и адаптивностью существующей региональной системы управления. Это с большой долей вероятности создает предпосылки нарастания уже отмеченных региональных диспропорций, которые неизбежно будут распространяться на другие сферы. Так, специфика и масштабы социально-экономических противоречий неизбежно отражаются в области региональных финансов и на состоянии институциональной среды в целом. Здесь также отмечается широкий круг проблемных тем — от сохраняющейся ситуации роста сверхдоходов ведущих региональных компаний, до деформации региональных рынков и системной коррупции. Эти социально значимые аспекты феномена «региональной колеи» требуют особого рассмотрения, и они будут представлены во второй части нашего исследования.

1. Аузан А. А. «Эффект колеи». Проблема зависимости от траектории предшествующего развития — эволюция гипотез // Вестник Московского университета. Сер. 6. Экономика. 2015. № 1.

2. Бобылев С., Зубаревич Н., Соловьева С. Вызовы кризиса: как измерять устойчивость развития? // Вопросы экономики. 2015. № 1. С. 147—160.

3. Бочко В. С. Экономическая самостоятельность регионов в условиях новой реальности // Экономика региона. 2016. Т. 12. Вып. 2. С. 342—358.

4. Гордеев С. С., Зырянов С. Г., Иванов О. П., Кочеров А. В. Экономическая динамика России и регионов в условиях структурного кризиса: анализ и прогнозирование // Социум и власть. 2016. № 6 (62). С. 47—55.

5. Гордеев С. С., Кочеров А. В. Основы анализа региональной экономической динамики: визуализация и оценка в среде MS Office. Челябинск : Изд-во Челяб. гос. ун-та, 2017. 130 с.

6. Клейнер Г. Б. Государство — регион — отрасль — предприятие: каркас системной устойчивости экономики России. Часть 1 // Экономика региона. 2015. № 2. С. 50—52.

7. Клейнер Г. Б. Государство — регион — отрасль — предприятие: каркас системной устойчивости экономики России. Часть 2 // Экономика региона. 2015. № 3. С. 9—17.

8. Мау В. А. На исходе глобального кризиса: экономические задачи 2017—2019 гг. // Вопросы экономики. 2018. № 3. С. 5—29.

9. Мау В. С. Экономические кризисы в Новейшей истории России // Экономическая политика. 2015. Т. 10. № 2. С. 7—19.

10. Растворцева С. Н. Теоретические аспекты возможности ухода экономики региона от траектории предшествующего развития // Журнал экономической теории. 2018. Т. 15, № 4. С. 633—642.

11. Селюнин В., Ханин Г. Лукавая цифра // Новый мир. 1987. № 2. С. 181—201.

12. Ханин Г. И., Фомин Д. А. В России начался экономический кризис и, скорее всего, он будет долгим // Terra Economicus, 2013. Т. 11, № 2.

13. Ханин Г. И. «Лукавая цифра»: 30 лет спустя // Идеи и идеалы. 2018. Т. 1, № 2. С. 139—163.

14. Ханин Г. И., Фомин Д. А. Альтернативные оценки макроэкономических показателей экономики России // Альтернативные оценки развития российской экономики: методы и результаты. Ч. 1 / ред. Г. И. Ханин. Новосибирск : Изд-во СибАГС, 2011. 196 с.

15. David P. A. Path Dependence, its Critics, and the Quest for 'Historical Economics // Evolution and Path Dependence in Economic Ideas: Past and Present / eds. P. Garrouste, S. Ioannides. Cheltenham : Edward Elgar, 2001. 247 p.

16. Gordeev S. S., Zyryanov S. G., Ivanov O. P., Kocherov A. V. The economic dynamics of Russia and its regions in the context of a structural crisis: analysis and forecasting // Социум и власть. 2016. № 6 (62). С. 39—46.

17. North D. C. *Institutions, Institutional Change and Economic Performance*. Cambridge : Cambridge University Press, 1990. 152 p.

References

1. Auzan A. A. (2015) *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 6. Ekonomika*, no. 1 [in Rus].
2. Bobylev S., Zubarevich N., Solov'eva S. (2015) *Voprosy ekonomiki*, no. 1, pp. 147—160. [in Rus].
3. Bochko V.S. (2016) *Ekonomika regiona*, vol. 12, iss. 2, pp. 342—358. [in Rus].
4. Gordeev S.S., Zyryanov S.G., Ivanov O.P., Kocherov A.V. (2016) *Sotsium i vlast'*, no. 6 (62), pp. 47—55. [in Rus].
5. Gordeev S.S., Kocherov A.V. (2017) *Os-novy analiza regional'noi ekonomicheskoi di-namiki: vizualizatsiya i otsenka v srede MS Of-fice*. Chelyabinsk, Chelyabinsk State Universiry Publ., 130 p. [in Rus].
6. Kleiner G.B. (2015) *Ekonomika regiona*, no. 2, pp. 50—52 [in Rus].
7. Kleiner G.B. (2015) *Ekonomika regiona*, no. 3, pp. 9—17 [in Rus].
8. Mau V.A. (2018) *Voprosy ekonomiki*, no. 3, pp. 5—29 [in Rus].
9. Mau V.S. (2015) *Ekonomicheskaya politika*, vol. 10, no. 2, pp. 7—19 [in Rus].
10. Rastvortseva S.N. (2015) *Zhurnal eko-nomicheskoi teorii*, vol. 15, no. 4, pp. 633—642 [in Rus].
11. Selyunin V., Khanin G. (1987) *Novyi mir*, no. 2, pp. 181—201 [in Rus].
12. Khanin G.I., Fomin D.A. (2013) *Terra Eco-nomicus*, vol. 11, no. 2 [in Rus].
13. Khanin G.I. (2018) *Idei i idealy*, vol. 1, no. 2, pp. 139—163 [in Rus].
14. Khanin G.I., Fomin D.A. (2011) *Al'ternativnye otsenki makroekonomicheskikh pokazatelei ekonomiki Rossii // Al'ternativnye otsenki razvitiya rossiiskoi ekonomiki: metody i rezul'taty*. Ch. 1. Novosibirsk, SibAGS Publ., 196 p. [in Rus].
15. David P.A. (2001) *Path Dependence, its Critics, and the Quest for 'Historical Econom-ics // Evolution and Path Dependence in Eco-nomic Ideas: Past and Present*. Cheltenham, Edward Elgar Publ., 247 p. [in Rus].
16. Gordeev S.S., Zyryanov S.G., Ivanov O.P., Kocherov A.V. (2016) *Sotsium i vlast'*, no. 6 (62), pp. 39—46 [in Rus].
17. North D.C. (1990) *Institutions, Institu-tional Change and Economic Performance*. Cambridge, Cambridge University Press Publ., 152 p. [in Rus].

For citing: Gordeev S.S.,
Zyryanov S.G., Podoprigora A.V.
"Path Dependence" in developing
socio-economic space of the region.
Part 1: "Path Dependence" and the local crisis
in the Chelyabinsk Region //
Socium i vlast'. 2019. № 5 (79). P. 84—97.
DOI: 10.22394/1996-0522-2019-5-84-97

DOI: 10.22394/1996-0522-2019-5-84-97

UDC 332.12

**"PATH DEPENDENCE"
IN DEVELOPING
SOCIO-ECONOMIC SPACE
OF THE REGION.
PART 1: "PATH DEPENDENCE"
AND THE LOCAL CRISIS
IN THE CHELYABINSK REGION**

Sergey S. Gordeev,

The Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration,
Chelyabinsk branch,
Head of the Laboratory
of Spatial Development Models,
Cand.Sc. (Economics),
The Russian Federation, 454077,
Chelyabinsk, ulitsa Komarova, 26.
E-mail: sgordeev222@gmail.com

Sergey G. Zyryanov,

The Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration,
Chelyabinsk branch, Director,
Doctor of Political Sciences, Professor,
The Russian Federation, 454077,
Chelyabinsk, ulitsa Komarova, 26.
E-mail: director@rane74.ru

Aleksander V. Podoprigora,

Scientific-Educational Center,
Institute of Economics, Ural branch
of the Russian Academy of Sciences and Chely-
abinsk State University, Senior researcher,
Cand. Sc. (Political Sciences),
The Russian Federation, 454021,
Chelyabinsk, ulitsa Molodogvardeyev, 706
E-mail: agora821@gmail.com

Abstract

The article considers the heterogeneity inherent in many Russia's regions in the context of the crisis, and in some cases the multidirectionality of the main trends in their socio-economic development. To a large extent, this is due to the manifestation

of the so-called "path dependence" or institutional inertia, which impedes the necessary and relevant changes due to the dominance of the previous trajectory and paradigm of its development when the region enters the crisis.

The "path dependence", fundamentally, is caused by the manifestation of long-term, historically established institutional, economic and sociocultural conditions specific for different regions. Due to this circumstance, different regions are more or less sensitive to the negative effects of external factors of a crisis nature. In some cases, the manifestation of this effect gives a positive result, but much more often it causes a negative development result. From the viewpoint of analyzing the "path dependence" manifestation, the Chelyabinsk region seems to be a kind of typical "contrast indicator". In recent years, the inherent problems and features of the crisis development in the Chelyabinsk region are, to one degree or another, characteristic of many Russian industrially developed old industrial territories. On the basis of visualizing the dynamics of the Chelyabinsk region's basic socio-economic indicators, the authors make a conclusion that sharp and prolonged decline, as well as growing imbalance of the changes over the past 10-15 years, indicates the emergence of a specific local crisis in the region, covering only some elements of its socio-economic system. At the same time, there arises a situation when the negative changes in some indicators of the region's economy can no longer be compensated by positive trends in national development. High volatility of indicators characterizing the development of the region in the context of manifesting the "path dependence" is an important factor in forming a number of risks that must be taken into account while searching for ways out of the crisis. The existing and continuing trends in the Chelyabinsk region associated with manifesting the "path dependence" can initiate the growth of social problems in the near future (limited growth of household incomes and retail trade turnover) and increase the risks of sustainable development of the real sector of the economy (decline in production indices and investment) in the strategic aspect.

Key concepts:

region,
socio-economic development,
dynamics,
risks,
local crisis,
visualizing socio-economic processes.